"Еще одну!" - крикнула блондинка, опустошив на одном дыхании целую бутылку саке.

"Еще одну", - кротко ответил бармен и подал ей еще три бутылки вместо одной.

Когда она закончила пить, было уже глубокое утро. Едва держась на ногах, она медленно вышла из бара и, опираясь на стены и заборы, направилась к окраине деревни. Возвращаться в башню Хокаге ей пока не хотелось.

Хотя она могла бы за секунду избавиться от алкоголя, наполнявшего ее организм, но не стала этого делать. Ей нужен был этот кайф. В тот момент она не чувствовала себя достаточно сильной, чтобы справиться с реальностью без его помощи.

Однако утренний прохладный воздух вернул ей ясность, а вместе с ней и воспоминания о прошедшем дне.

"Я защищаю ее, потому что именно она спасла меня! Она пришла спасти меня после того, как вы бросили меня в тюрьму, несмотря на то что я был невиновен!"

Может быть, потому что она была пьяна, а может быть, просто на пределе сил, Цунаде начала тихо плакать, шатаясь по пустым улицам в одиночестве. Все должно было закончиться не так. Она и представить себе не могла, что ее решение оставить Наруто в неведении относительно правды приведет к такому исходу. Она просто не смогла довериться его разуму и сказать, что его отправили на миссию, а не позволила ему поверить, что его изгнали и бросили.

Я должна была надавить на Райкаге, чтобы он отправил в замок Хозуки Убийцу Пчел, а не Наруто. Я должен был быть более настойчивым".

Коноха и Кумо подозревали, что Кусагакуре готовится к чему-то грандиозному, и решили пресечь это в зародыше, потому что не могли позволить им развязать еще одну войну, пока Акацуки грозились захватить мир, заполучив всех хвостатых зверей и сделав с ними бог знает что. Однако чтобы поймать их с поличным, нужно было закинуть приманку. При таком раскладе единственное, что могло заставить Кусу действовать, - это послать к ним джинчуурики, человека с запасом чакры, достаточным для того, чтобы склонить Кусагакуре к открытию Ящика Предельного Блаженства.

Но Узумаки Наруто и Убийца Пчела были единственными двумя джинчуурики, а Райкаге считал Пчелу своим братом по крови. Поэтому Наруто оставался единственным вариантом, хоть он и не годился для шпионской миссии.

Цунаде вытерла лицо ладонями и взволнованно вздохнула.

"Как же мне загладить свою вину перед ним?" - с горечью подумала она.

Реакция Наруто застала ее врасплох, но если подумать, то вполне естественно, что на его месте кто-то должен был так отреагировать. Однако он был Наруто. Наруто никогда долго не сердился на своих близких и умел быстро прощать. Многие вещи, которые были бы крайне оскорбительны для других людей, Наруто обычно принимал без слов - например, то, как Сакура часто использовала его в качестве груши для битья.

Но у каждого человека есть предел, и, даже несмотря на то, каким всепрощающим и терпимым был Наруто, Цунаде понимала, что то, что его так хладнокровно бросили в тюрьму, несмотря на невиновность, стало последней каплей, сломавшей спину верблюда.

Остается надеяться, что за это время он немного успокоился.

Ей хотелось, чтобы он хотя бы позволил ей как следует объяснить ситуацию и извиниться при следующей встрече. Она надеялась, что он перестанет злиться и скоро вернется в деревню.

Внезапно две руки вырвались из земли и схватили ее за лодыжки.

В обычной ситуации подкрасться к ней было бы практически невозможно, но, будучи пьяной и поглощенной мыслями о своей вине, Цунаде не заметила чакры своего преследователя, пока не стало слишком поздно.

"Это плохо! Цунаде хотела закричать, но обнаружила, что не может пошевелить ни ртом, ни вообще какой-либо частью тела.

В следующее мгновение ее с ног до головы покрыли черные линии и символы. Это была Проклятая печать. Когда нападавшие схватили ее за лодыжки, они также наложили на нее Проклятую печать.

Не прошло и секунды, как лезвие танто сверкнуло в лунном свете, вонзившись в ее шею.

Из тела Цунаде вырвалась желто-земная дымка чакры, и с яростным криком она разрушила паралич Проклятой Печати своей чудовищной грубой силой. Когда танто нападавшего находилось всего в нескольких дюймах от ее шеи, Цунаде неожиданно открыла рот и поймала клинок зубами. Нападающий был вынужден отказаться от своего оружия, когда она укусила клинок и раздробила его, словно он был сделан из графита, а не из металла чакры.

В следующее мгновение кулак Цунаде врезался в грудь врага, и его тело превратилось в тонкий красный туман от ее нереальной силы.

"Только подумать, что мой собственный АНБУ попытается убить меня в один прекрасный день, да еще и посреди деревни", - сказала Цунаде, узнав белую фарфоровую маску оперативника АНБУ, который когда-то был частью ее личной охраны.

"Твой ANBU? ANBU не твой. АНБУ не служит тебе, он служит деревне". Цунаде услышала голос старика, выходящего из-за деревьев.

Когда он шагнул в лунный свет, его личность стала ясна как день. Старое морщинистое лицо, наполовину закрытое бинтами, правая рука в вечном гипсе и трость - это был Данзо Шимура.

"Джирайя говорил мне, чтобы я опасался тебя, но я никогда не думал, что ты зайдёшь так далеко, что попытаешься убить Хокаге. Неужели от старости ты совсем дряхлый?" спросила Цунаде.

"Мой разум никогда не был ясен, уверяю тебя, Цунаде", - сказал Данзо, снимая бинты и золотой гипс с правой руки.

"Только безумец может пытаться совершить высшую измену", - с насмешкой сказала Цунаде.

"Высшая измена? Вряд ли. Я служу Конохе. Все, что я делаю, - ради деревни". невозмутимо сказал Данзо.

"Тогда где же ты был, черт возьми, когда лидер Акацуки вторгся в деревню?" закричала на него Цунаде, окончательно потеряв терпение. "Мои призывы слизняков распространялись по всей деревне, но я нигде не видела ни малейшего проблеска тебя. Я умерла от истощения чакры, исцелив столько людей, сколько смогла, и тысячи других шиноби и куноичи погибли в бою, а ты, как трус, затаился в каком-то богом забытом бункере, ожидая, пока опасность минует. Это тоже было ради деревни, старый лицемер? И какая вообще польза Конохе, если я умру сейчас, когда Акацуки пытаются захватить мир?"

Данзо был не из тех, кто позволяет эмоциям брать верх над собой, но слова Цунаде заставили его напрячься. Они задели больное место - именно трусость Данзо в юности заставила Тобираму выбрать своим преемником Сарутоби Хирузена, а не его. И по сей день, спустя многие десятилетия, это было самым большим сожалением Данзо в жизни.

"Именно из-за опасного будущего, которое ждет нас впереди, тебя нужно убрать. Ты позволил последнему Учихе уйти в отставку и не уничтожил его или хотя бы не восстановил его додзюцу даже спустя три года. Вы провалили поимку Треххвостого Зверя. А теперь ты оттолкнул от себя главное оружие Конохи - Девятихвостого джинчуурики. Ты не годишься для..."

Слова Данзо оборвались, когда верхняя половина его тела взорвалась гейзером крови и крови, а удар Цунаде снес несколько десятков деревьев позади него.

"Я был прав, не теряя бдительности перед таким, как ты", - раздался сбоку голос Данзо, сильно напугавший Цунаде, которая считала его мертвым.

'Как это возможно?! Гендзюцу?! с недоверием подумала Цунаде.

Но тут же отбросила эту мысль. Никто не мог наложить на нее гендзюцу. Ее контроль чакры был слишком тонким, она бы мгновенно заметила неравномерность потока чакры.

[Фу, держись на расстоянии и жди удобного момента. Торуне, тебе нужно коснуться ее только один раз. Акимичи, вступай в бой в ближнем бою. Всем остальным - ниндзюцу и сюрикендзюцу со средней дистанции].

Данзо отдал эти команды, используя не слова, а знаки руками, и шиноби из черного отряда тут же бросились в бой.

http://tl.rulate.ru/book/101549/3492685